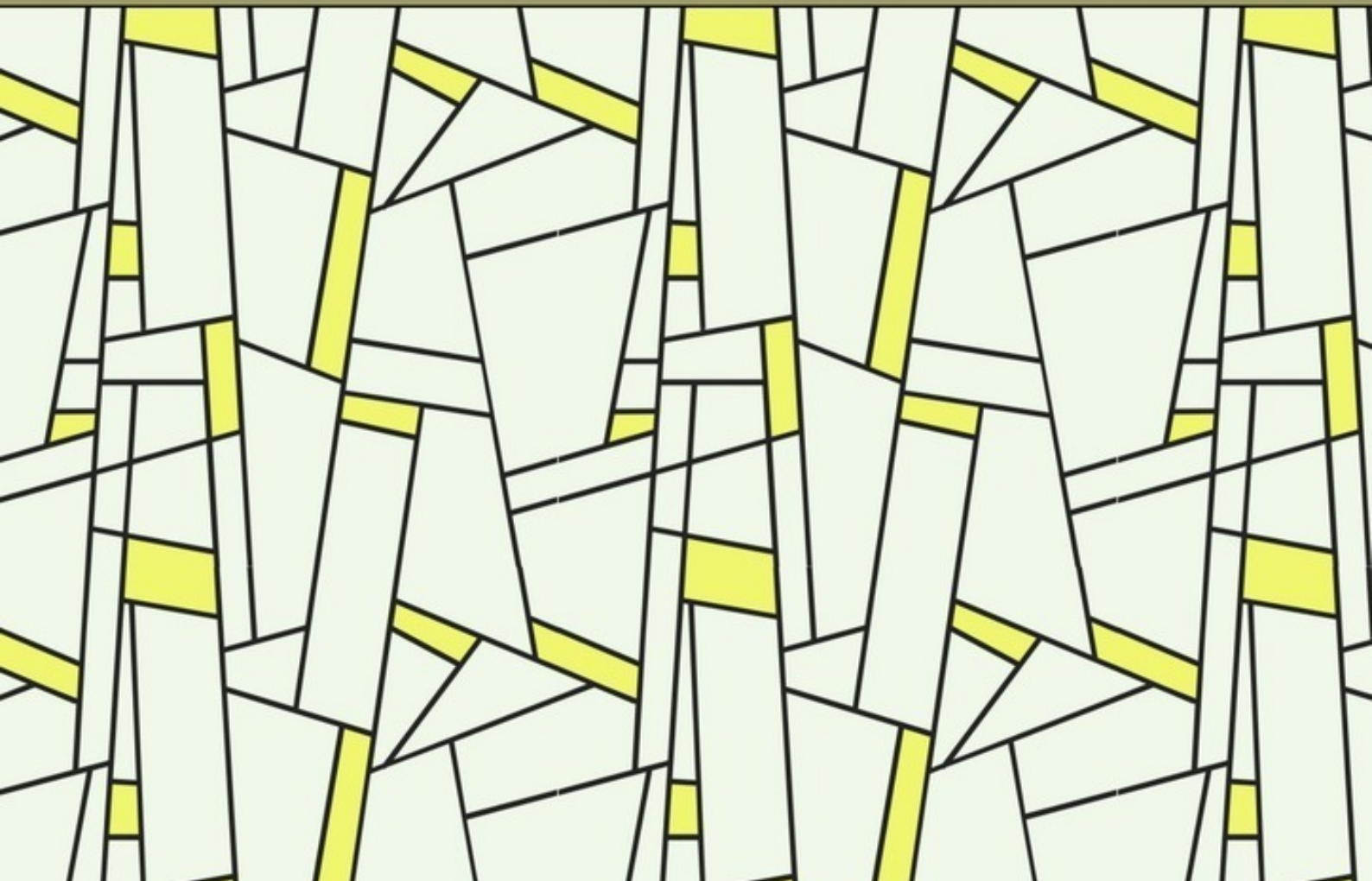

Виктор Житинкин

*Новые
рассказы
о прошлом*

Виктор Житинкин

Новые рассказы о прошлом

«Издательские решения»

Житинкин В. М.

Новые рассказы о прошлом / В. М. Житинкин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-855494-0

Автор книги длительное время проживал на территории демократической Германии, служа в Советской армии. Общение с немцами было постоянным. Все отложилось в памяти у автора и, спустя годы, превратилось в рассказы и истории.

ISBN 978-5-44-855494-0

© Житинкин В. М.
© Издательские решения

Содержание

Агнесс	6
Барбара	20
Варькина подружка	24
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Новые рассказы о прошлом

Виктор Михайлович Житинкин

© Виктор Михайлович Житинкин, 2017

ISBN 978-5-4485-5494-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Агнесс

Удивительно быстро летит время. Не минуты, не часы или дни – годы летят. Кажется, что сбилось что-то в небесной механике, кто-то не тот сел у кривой ручки и крутит вселенную изо всей силы. Вот и летят эти годы одним махом.

Прошло четыре года с того времени, как мы осели в далекой чужой стране и прижились там. Кажется, совсем недавно с замиранием сердца покупал я в железнодорожной кассе билет за границу. Загруженный большими чемоданами с военной формой, только полученной со складов, изнывающий под тяжестью ноши, я преодолел огромный путь из центра Союза до самой Германии.

Слава богу, все тогда кончилось благополучно. В распределительном пункте во Франкфурте я получил назначение на службу на севере Демократической Германии. Прибыв в часть, я быстро освоился, подружившись со многими офицерами. Вскоре получил телеграмму, о том, что моя жена с маленькой дочерью уже в пути ко мне.

Мне повезло – через полтора часа после отъезда из полка, чтобы встретить их, я был уже в Магдебурге. Волнуясь, я нервно бегал по перрону в ожидании поезда, следующего из Бреста.

Время вышло, подходил поезд. Я бежал вдоль вагонов поезда с бешено бьющимся от волнения сердцем и заглядывал в каждое окно, но людей там, в этих темных окнах уже не было. Наверное, все уже были в проходах и в тамбурах.

Но вот, я увидел их, таких родных и таких хороших! Валя была в полнейшей растерянности, ее глаза искали меня. В чужой стране, среди чужих людей, да еще с маленьким ребенком легко растеряться, но я был на месте. Варюшка стояла на столике у окна и, по-деловому разглядывала людей на перроне. Увидев меня, Валя заулыбалась, а я бежал рядом с вагоном и не сводил с них глаз, боясь их потерять.

Поезд остановился, люди из вагонов стали заполнять перрон. Они не спешили, но мне ждать было некогда. Я протиснулся между выходящими людьми, заслужил кучу оскорблений в свой адрес и, даже, была попытка вышвырнуть меня. Но мне было некогда разбираться в мелочах, а вышвырнуть меня было очень трудно, ведь там, в вагоне, меня с нетерпением ждала моя семья.

Дочь, отвыкшая от меня, расплакалась, но когда мы вышли из вагона, она с удовольствием сидела у меня на руках и с интересом разглядывала все, что было бы недоступно ей увидеть с земли. Порой, она начинала крутить головкой, разыскивая маму, но, найдя, тотчас – же успокаивалась и продолжала рассматривать окружающий ее новый мир.

Мы расположились в вагоне немецкого поезда. Рядом с нами сидели два пожилых человека, которые на протяжении всего пути наблюдали за нами, и улыбка не покидала их лиц. В городе на Эльбе нас ждал тот самый автобус, который привез меня сюда тремя часами раньше. Майор, старший автобуса был уже веселым и счастливым, он всегда обедал здесь на этом вокзале в «Митропе» – привокзальном ресторанчике, съедая полюбившиеся ему свиные сардельки и запивая их светлым пивом. Увидев мое семейство, он живо выскочил из машины и, улыбаясь во всю физиономию, помог моей жене справиться с дочерью, а мне с чемоданом, вырвав его из моих рук. Пассажиров в этот день, кроме нас, не было, и потому, выстояв до определенного времени, наш автобус быстро побежал в сторону города, где находился наш полк. Майор щебетал всю дорогу голосом кастрата, укорачивая нам и без того короткий, минут в двадцать, путь. Моя жена с любопытством смотрела в окно автобуса, все-то ей ново, интересно. Вопросов не было, сама разбиралась во всем, на много ли раньше ее прибыл сюда я.

Но время нещадно. И вот, уже подходит к концу наш четвертый отпуск. Цену отпуску начинаешь осознавать в тот момент, когда билеты уже куплены и чемоданы наполовину упакованы.

ваны. Сразу нестерпимо хочется побывать во всех местах, хоть чуточку связанных с детством, школьными годами, юностью и где не успел побывать во время продолжительного отпуска. Со странным чувством находишься в том месте, где когда-то стоял до боли родной, родительский дом. Здесь прошло мое безоблачное детство, пролетели незабываемые школьные годы.

По счастливой случайности остался расти дубок, мой ровесник. Его росток вылез из земли в год моего рождения в палисаднике недалеко от дома. Я не ожидал увидеть его таким могучим красавцем. Когда я покидал эти места, он был таким же юным, как и я. Дом снесли, а дубок пожалели, и он рос и вырослел, как и я. Недалеко от дуба, я случайно увидел несколько веточек желтой акации, и они навеяли мне новые воспоминания.

В ту пору мы с матерью вдвоем коротали вечера. Она сидела на диване и вязала мне шерстяные носки на зиму, которая была уже не за горами. Сама же она маленькая, седенькая и такая теплая, вызывала умиление своей добротой и любовью. Я сидел на стуле возле окна, положив книгу на подоконник, и читал. На улице был дождливый вечер. Молнии то и дело на миг останавливали все движение, словно фотографировали наш палисадник. Раздавались раскаты грома, мать молилась и в очередной раз просила меня отодвинуться от окна и завесить шторы. Но мне было так хорошо, я уговаривал мать и оставался сидеть у окна. На улице лил дождь, свет падал через стекло на мокрые ветки желтой акации, а ветер, изо всех сил раскачивал их, стуча ими в окно. Остатки этого куста я и увидел случайно недалеко от красавца дуба.

Мой брат, Владимир, годами несколько старше меня, приютил нас на время отпуска, предоставив целую комнату в наше распоряжение. Мне с ним приходилось общаться меньше всего, хоть и были в одной квартире. Нам доставались одни вечера, да и то, часто я возвращался из очередных гостей объевшийся, а иногда и «подшофе». Естественно, что в таком состоянии я торопился уйти спать и оставлял его одного, обиженного и очень озабоченного. Я чувствовал, что Владимир переживает и хочет переговорить со мной, но пока не решается. Незадолго до нашего отъезда, он все же решился и с самого утра попросил меня не планировать никаких визитов на сторону, а к ужину быть дома. Я знал, о чем он будет говорить, но все – же ждал этот разговор с волнением.

В тот вечер мы с Володей не пригласили женщин с собой на кухню, заявив им, что нам есть о чем поговорить наедине. Они не возражали, и весь вечер прошебетали в соседней комнате, решая свои женские проблемы.

Я совсем не ожидал, что для Владимира так серьезно то, о чем я только изредка вспоминал.

– Виктор, – начал говорить он, как мне показалось, слишком трагическим голосом. – Ты должен правильно понять меня. Раньше я не мог решиться на этот разговор, но сейчас откладывать его я больше не могу, иначе, будет поздно.

Он говорил медленно, тщательно подбирая слова, долго думал, прежде чем сказать. Таким его я еще никогда не видел.

– Прошу тебя, выслушай меня внимательно и, если сможешь, сделай для меня то, что я очень хочу. Пожалуйста, сделай. Я целый год собирался поговорить с тобой на эту тему и с нетерпением ждал тебя. Ведь это последний твой отпуск из Германии, через год ты заменишься, и, бог знает, где станешь служить. Возможно, что уже никогда не появится такой возможности побывать в Германии.

Я внимательно слушал его, переживая, но про себя рассуждал: «Наивный же ты человек, Володя, если думаешь, что я был тогда совсем бестолковым юнцом и не мог разобраться в твоих жизненных неудачах. Просто, я был не назойлив и не любопытен, но глупым не был».

Давно это уже было. Владимир дал телеграмму из Москвы. Вся наша семья была в недоумении, почему он возвращается домой в начале лета, если его контракт на сверхсрочную службу в Армии заканчивался глубокой осенью. Но это было не так важно, главное, что все мы вскоре встретимся с ним после длительной разлуки. Встречать его поехали всей семьей.

Поезд подходил, визжа тормозами, глухо хлопали металлические подножки, двери вагонов открывались. Поезд остановился, поток людей, выходящих из вагонов, смешавшись с толпой встречающих, быстро исчезал с платформы, лишь одни мы в недоумении продолжали стоять, разглядывая пустой поезд. Не хотелось верить, что Владимир не приехал. Неужели, что-то случилось? Мать достала телеграмму и, сквозь очки, внимательно рассматривала дату отправления поезда из Москвы в строках телеграммы. Все было правильно. Он должен был приехать, но его не было.

Из вагона, стоявшего чуть поодаль от нас, молодой человек в яркой тенниске неторопливо выносил из вагона громоздкие чемоданы. Казалось, что его багажу не будет конца. Он вынес очередной чемодан и снова направился в вагон, на секунду задержавшись и глянув на нас. Черные очки служили ему маской, из-за них трудно было разглядеть его лицо. Молодой человек, не выдержал и заулыбался, у него во рту сверкнул золотой зуб.

– Вова! – вырвалось у меня. Все оглянулись, затем перевели свой взгляд на человека у вагона. Тот заулыбался еще шире и, раскинув руки, словно хотел обнять сразу всех, подошел к нам. Мать стояла в сторонке и плакала. Освободившись от нас, Володя, предварительно отыскав взглядом седую голову матери, подошел к ней, обнял, и они долго так стояли.

Дома было устроено большое торжество, слишком уж долго Владимира не было дома. В последние годы никто из нашей родни так далеко не уезжал и так надолго не покидал наш родительский дом. Служил он на территории Германии, разговоры о которой в нашей семье начались с тех пор, как он, окончив «Учебку», попал туда служить.

Родители были горды за сына, был бы плох в чем-то, туда бы не направили служить. Отец вообще «ходил гоголем», хоть и боялся навредить сыну прямыми ответами знакомым на их вопросы, где служит сын.

Три года тянулись очень долго, но и они подошли к концу. Велико же было удивление всей семьи, когда узнали из писем о его желании остаться послужить еще два года по контракту. Это его желание больно ударило по честолюбию наших родителей. Они восприняли его «выходку», как говорил отец, нежеланием возвращаться в семью. «Значит ему там чем-то лучше», – говорила мать, стараясь оправдать решение сына, к такому же выводу пришел и отец: «Раз он пошел на это, значит, так нужно».

В своих письмах Володя писал лишь о том, что он, слава богу, жив и здоров и совсем не писал о своих делах и планах. Значит, было нельзя.

Два года службы сверхсрочником заканчивались осенью, но Владимир возвращался раньше. Все неясности должны были проясниться в личном общении с ним самим.

За столом все домочадцы, с интересом слушали Володю, который, как всем показалось, вел себя немного странно. В принципе, беседу за столом вели только двое – отец и Владимир. Отец задавал вопросы, он отвечал, но я думаю, не без приукрас. Кстати, во время разговора, Владимир несколько раз называл отца «дорогой товарищ». Я пожирал его глазами, ухватывая и запоминая все его жесты и движения, которые магически действовали на меня. Володя – единственный из сидящих за столом мужчин, курил вместе с отцом, угощая его немецкими сигаретами с фильтром. Он курил наиграно красиво, картинно стряхивал в пепельницу пепел с сигареты, постукивая по ней указательным пальцем, пускал дым тонкой, но сильной струей в потолок. Я все это запоминал и торопился повторить, выйдя раньше других из-за стола. В сарае я курил отцовские папиросы «Север» и пускал дым струей в потолок. Вообще-то, я очень сожалел, что Володя уехал из Германии. Я часто писал ему письма, в которых просил выслать мне что-нибудь из модной и современной одежды и он, по мере сил, присылал ее. Я учился в школе в старших классах и, получив от него очередную обновку, немедленно надевал ее на себя, привлекая внимание девчонок-одноклассниц и вызывая зависть друзей. Что и говорить, одежда, присланная им из Германии, значительно отличалась от нашего немодного

тряпья, купленного в наших магазинах. И вот теперь я терял моего благодетеля и поставщика модной одежды из-за границы.

Неудержимо течет время. Володя быстро свыкся с жизнью на гражданке. Он работал, дружил с девчонками, но жениться не собирался. Родители побаивались за него, как бы судьба не свела его с людьми падшими, которые могли бы испортить его, но он не портился, но и не женился.

Все бы ничего, жизнь течет тихо и мирно, но вдруг, неприятное известие омрачило ее. Володю вызвали в МВД – это было уже кое-что.

Я помню, когда мы, мальчишки с улицы, сидя на бревнах в вечернее время, заморожено следили глазами за проезжающей мимо нас мрачной машиной с металлической будкой и зарешеченными окнами и, когда она скрывалась с глаз, свернув в переулок, кто-нибудь из нашей компании, еще чуть выговаривая слова, тихо, со вздохом говорил:

– «Воронок» за кем-то приехал.

Вызов Владимира в милицию поразил всю семью, отец заболел, а мать не находила себе места, мучительно рассуждая о том, что мог натворить ее сын там, в Германии.

Вернувшись из милиции, Володя был, конечно, очень возбужден, но, криво улыбаясь, он все – же успокаивал вопросительно смотревших на него родителей:

– Ничего, ничего. Все в порядке. Нормально все.

В тот вечер они втроем сидели в гостиной за столом и что-то тихо обсуждали. Разговор они прерывали, если кто-то из нас входил в комнату. После всего этого обстановка в семье поправилась, правда, мать часто выходила из комнаты Володи заплаканная или очень грустная. Порой, не сдерживая свое желание узнать, что же такое таинственное и недоступное мне происходит в нашей семье, я спрашивал об этом у матери, но она делала строгое лицо, прикладывая палец к губам и, молча, отрицательно качала своей седой головой. Как ни велико было мое желание спросить у самого отца о происходящем в доме, я все же не решался этого сделать, боясь, что он не так поймет меня и осудит. Отца побаивались в семье все, несмотря на то, что был он человеком не крупным и худощавым. Но, даже, люди со стороны, называли его человеком с характером, любой человек, находящийся рядом с ним, невольно попадал под его влияние. В семье он держал в едином кулаке всех.

Беды, порой наваливавшиеся на кого-либо из семьи, достоянием всех не становились. Родители не выносили неприятности на семейное обсуждение, с бедой они сражались одни, ограждая других детей от лишних забот. Это была политика отца, мать же, женщина добрая, легко бы делилась со всеми семейными новостями, но боялась отца. Однако, с дочерьми-то она, видимо, все-таки делилась кое-чем. Старшая сестра, однажды, проговорила мне, что там, в Германии, у Володи есть женщина, им не позволяют пожениться, но у них родился ребенок и Володя теперь платит алименты. Всегда восхищаюсь способностью женщин порой предложений сообщить тебе такую новость, словно ты роман прочитал. Но самое главное, что она сказала, так это то, что Володя их очень любит, но совершенно не знает, как поступить, чтобы быть вместе с ними.

Я мог предполагать о делах брата в Германии все, что угодно, но о таком даже и подумать не мог. Вот это да! Вот это здорово! Надо же, можно породниться с иностранцами и, даже, не только можно – породнились уже. Если у них есть ребенок, значит, в нем течет и наша кровь. А с другой стороны, если Володя станет что-то предпринимать, сколько будет всякого рода неприятностей! Ужас, что будет! Это понимал даже я, школьник. Достанется, если не всей семье, то уж Володе-то точно. Даром это не пройдет и просто это не закончится.

Я видел, что Володя страдает, страдали и пожилые родители. Они молчали, хмурились и отводили глаза, переводя разговор на другие темы, когда я лез с расспросами о судьбе немецких родственников. Мне очень хотелось знать, как решится этот вопрос, я настойчиво тормозил родителей, но от меня отмахивались, как от назойливой мухи и говорили, чтобы я не лез

не в свое дело. И опять же, только от сестры я смог получить небольшую информацию о том, что Володе с Ренатой, так зовут немецкую женщину, что-то мешает пожениться.

Я переживал ничуть не меньше самого Владимира, я молил бога, чтобы все решилось хорошо. Перед сном, лежа в постели, я, бывало, долго размышлял об этой новой семье. Думал даже о том, где они надумают жить. В нашем городе они, все-таки, жить не будут, маловат, грязноват, да и не ахти какой красивый. Жить они будут, конечно же, в Союзе, им дадут жилье в большом и красивом городе. Они, живя большой и дружной семьей, смогут быть в гостях то в Германии, то в нашем родном захолустье. Не все же у нас плохо, у нас прекрасные леса с реками и озерами. И вот, все это благополучие по чьей-то воле не должно было состояться. Интересно, кому же мешает счастье молодых людей, любящих друг друга. Выходит, что мешает кому-то.

В семье началась активная психологическая обработка Владимира родными и близкими людьми, смысл которой сводился к тому, что «плетью обуха не перебьешь, а с властью не поспоришь», да и не век же холостяковать, жениться парню надо. Да и не будет хорошая женщина век вековать вдвоем с ребенком, давно уже, наверное, живут полной семьей. Мешать им сейчас не желательно и, возможно, что вмешательство Володи может полностью испортить им жизнь.

Такие рассуждения смутили Владимира и склонили его к тому, что он женился, а вскоре и дети пошли, мальчик и девочка. Короче, милиция и давление родственников сломали Володю. Но не меня!

С ними я все равно встречусь, сдружусь, и они все равно будут считать меня своим родственником. Не делаясь ни с кем этими соображениями, я дал себе клятву, что обязательно побываю в Германии и встречусь с ними, что бы мне это не стоило. Я для себя тогда выбрал, как мне казалось, самый верный путь попасть туда – это, окончить военное училище и получить возможность служить там. В то время в этой стране находилось много наших войск. Мне казалось, что попасть служить туда не так и сложно.

Я так и поступил.

Я окончил военное училище. Во время учебы женился, у нас родилась дочь, Варвара. Служить нас направили в Германию, то есть, сбылось все, что я задумал.

Кто бы мог подумать, что так незаметно пройдут годы. Вот всего-то один год остается и за этот год нужно сделать все, что я не успел за четыре года. Нельзя сказать, что я совершенно бездействовал. Много изменилось за это время. Я перестал остро чувствовать близость этой немецкой семьи, из-за которой так круто изменилась вся моя жизнь. Время и семья тоже сделали свое дело. Время настойчиво стирало душевные переживания, а забота о семье заставила на время забыть своих немецких родственников. Да и Владимир, во время наших визитов, никогда не вспоминал о них и я уже начал считать, что он больше не хочет ворошить «дела давно забытых дней». Тем более что мое посещение этой семьи может нарушить их семейное благополучие, которое, возможно с большим трудом создано усилием воли хрупкой женщины.

Я в душе оправдывал свою бездеятельность чрезмерной занятостью, да и большие события в моей семье переворачивали с ног на голову весь наш устоявшийся образ жизни. Одним из таких событий стало рождение нашей младшей дочери – Оленьки. Тогда шел третий год службы в Германии. Ближе к середине января Валя надумала рожать. На санитарной машине нас отвезли в госпиталь, где был и роддом. Уехав, я уже ни разу не смог посетить ее, или уже их, слишком маленьким человеком я еще был, мной можно было пренебрегать. Так и поступали старшие начальники. Но она меня никогда не попрекнула этим и лишь спустя тридцать лет, в день рождения Оленьки, сказала:

– Когда родила Олю, каждый день ждала, что ты приедешь к нам. Ко всем роженицам едут, едут. Только к нам – никто. Так плохо нам было. И тоскливо.

Спустя тридцать лет, эти слова ранили меня. Было мучительно больно. Я считаю себя очень виноватым перед женой и дочерью, но изменить это прошлое уже никак не могу.

Ну, а пока я сразу понял, о чем Володя собирается со мной говорить, ведь все шло к этому. Во время первых моих отпусков он не решался со мной заговорить о своей жизненной драме, откладывая разговор на потом, так как еще было время. Но в запасе остался всего один год службы в Германии, в течение которого я еще мог что-то узнать о семье Остофф, и Володя решился на этот разговор со мной. Ведь, на самом деле, появится ли возможность в будущем кому-нибудь из семьи побывать там и узнать хотя бы, как сложилась жизнь в той далекой немецкой семье и, хотя бы издалека взглянуть на Агнесс. Может случиться и так, что сменят они свое место жительства, канут в неизвестность, и будут вспоминаться лишь, как давний сон. Забудется ли этот сон или нет, но потеряны они будут навсегда.

Прошло много лет с тех пор, как я выслушал исповедь своего брата. Возможно, что я не все уже достаточно точно помню, что он мне говорил, а кое-что уже изменила моя фантазия, но я прошу не судить меня строго. Слова мои исходят от души, и я люблю этих милых и симпатичных мне людей.

Познакомились они случайно, когда служил он еще на срочной службе, встречались тайно, любя друг друга. Отслужив срочную службу, Владимир не смог просто так окончить свой скоротечный роман и, чтобы продолжить его, он подписал контракт на два года сверхсрочной службы. Я очень понимаю его, что не сделаешь ради любимого человека.

Став сверхсрочником, Владимир приобрел кое-какие свободы, появилась возможность встречаться чаще, но приходилось скрывать свою связь с немецкой девушкой от особистов, уж они-то строго блюли законы. За это наказывали – нарушившему запрет контактировать с немцами, предписывалось срочно покинуть Германию.

Между тем, Владимир познакомился с отцом своей немецкой подруги. Известие, что Рената беременна, одновременно обрадовало и испугало Владимира. Почему обрадовало – понятно, а испугало только лишь потому, что на его глазах были уволены и выпровожены из Германии двое его друзей-сверхсрочников за контакты с немецкими девушками.

Владимиру нужно было что-то предпринимать, тем более что отец будущей матери, требовал от него конкретных действий, а не обещаний. Он с симпатией относился к Володе и однажды сказал ему, что на свадьбу он приготовил отличный подарок молодоженам и, если они все-таки поженятся, он будет счастлив и согласен на любое решение с выбором места их проживания.

Предугадать, как обернется дело, было сложно. Не понятно, с чего начать, и с кем нужно было говорить, чтобы добиться разрешения жениться. Спросить не у кого, такие мероприятия не практиковались. Он чувствовал, что их ждут невзгоды и, потому, тянул время, надеясь на чудо. Но чудес не бывает, а отношения, между тем, осложнились, становились напряженными. Создалась такая обстановка, при которой продолжать оттягивать время разговора с командиром, не было никакой возможности. Для Владимира исход всего этого дела предположительно был известен.

Так все оно и вышло. Последовало то, что следовало ожидать. У него не оказалось времени даже для того, чтобы сообщить Ренате о случившемся промахе. Провожали Владимира особисты до границы с Польшей.

Двое суток он провел на вокзале в Москве, но придумать что-то серьезное и благоразумное, чтобы спасти семью, не смог. Боязнь «наломать дров» остановила его, и он решил ехать домой. Он привел себя в порядок, купил билет на поезд и дал телеграмму родителям. За сутки поездки в вагоне поезда Владимир окончательно пришел в себя.

– Ну, вот, я тебе все рассказал. Думаю, что осуждать ты меня не станешь, вина моя лишь в том, что я знал о запрете контактов с немцами, но все – же познакомился и влюбился в Ренату. Попросить тебя хочу лишь об одном, съезди к ним, посмотри, как они там, только все запомни, до последнего штриха. Через год, брат, мы с тобой встретимся, и ты мне расскажешь о них

все. Я весь год буду ждать тебя. Ничего больше не хочу, только о них что-нибудь привези, ну, хоть что-нибудь.

На этом он замолчал, задумавшись. Ну, а, вспоминая, он позабыл и про меня, и про всех, находясь, наверное, в эти минуты там и в то время.

Выслушав Володю, стал страдать я. Заболела душа. Стало стыдно перед братом и, даже, перед собой. Когда я впервые услышал от сестры обо всем, что случилось с Владимиром, я только и мечтал о том, что обязательно попаду в Германию и встречу с этими двумя далекими, но родными людьми. Хорош же я, четыре года находился, можно сказать, рядом с ними, но ни разу не сделал попытки каким-то образом повидать их. Свыкаться даже стал, что не было, и нет их в нашей жизни. Они для нас, как инопланетяне, «много о них говорят, но никто и никогда их не видел».

Да и Володя тоже хорош, не дал мне толчок пораньше. Одно напоминание с его стороны, послужило бы для меня руководством к действию. А раз не слышу от него даже намека, вот и кажется мне, что не стоит самому разговор заводить. Не дай бог, воспоминание о них разбередит ему душу и принесет больше вреда, чем пользы в его спокойную жизнь, вот я и молчал.

Еще по пути в часть я решил действовать сразу, как приеду, но, как говорят, «мечтать не вредно».

Боевая подготовка в этот год была, как никогда, интенсивной. Мой непосредственный командир, который знал от меня обо всей этой истории и хотел бы содействовать мне в нашей встрече, и тот не смог в течение нескольких месяцев отпустить меня в эту важную поездку.

Пришла зима. Успешно закончились все проверки и учения. Досталось не только солдатам, непонятно куда подевались небольшие животики у офицеров, накопленные в более спокойные времена, мундиры на них висели, словно увеличились на один – два размера. Многие из них получили новые назначения с повышением в должности. Настроение у всех моих друзей было приподнятое, только меня глодала забота.

Тут-то и появилась у меня лазейка вырваться из части. В военный госпиталь шла машина, а мне было поручено посетить больного солдата. Я сделал все, как было нужно. Теперь мне предстояла главная задача, но я все никак не мог собраться и заставить себя подойти к этому делу хладнокровно и решительно. Куда деться, но я встречи боялся.

Я устроил для себя тренировку – долго бродил по городу, всматриваясь в немецких женщин и выбирая какую-то такую, которая, по моему мнению, должна быть похожа на Ренату Остофф, с которой мне придется встречаться и, долго, как я предполагал, разговаривать. Получилось все из рук вон, плохо. От бессилия хотелось бросить все и сбежать домой к жене, к детям. Но, вспоминая Володю, его грустные глаза, его обещание ждать меня, чтобы что-то услышать об этих людях, я взял себя и руки, и направился к железнодорожному вокзалу. Отсюда до городка, где меня, конечно, не ждут, рукой подать, и я решил доехать туда на поезде. Времени до отъезда оставалось достаточно много, я вышел на площадь перед вокзалом и сразу оказался около небольшого скопления людей, в основном, женщин в возрасте.

Женщины толпились у небольшого лотка и плаката с пожеланием людям, купившим лотерейный билет, выиграть максимальный приз – сто тысяч марок. Умудренные жизненным опытом и от природы экономные, женщины находились невдалеке от лотка, перешептываясь и шушукаясь, поглядывали на привлекающий плакат, но деньги за билетки выкладывавать не торопились. Видно было, что не хватает лишь небольшого толчка. Плакат, как магнит, не отпускал их от себя, но и деньги, которыми нужно было рассчитываться за эти билетки, были не чужие. Просто так расставаться с ними, не будучи уверенным хотя бы в маленьком скромном выигрыше, никто из них не решался.

Видимо, таким толчком должен был стать я. Женщины смущенно переглядывались, совали руки в большие накладные карманы пальто, нащупывали теплыми пальцами легкие монетки, но раскошелиться не торопились. Они, наверное, ждали от изредка берущих билеты

молодых людей, проходящих мимо, радостного возгласа от хорошего выигрыша, но большинство из них, заглянув в сокровенные внутренности бумажки, разочарованно мяли ее и, сделав гримасу, выбрасывали измятый в руке билетик в заблаговременно поставленную урну. Счастливых людей пока было мало, а, случайно выигранный билет, не становился поводом к общему ажиотажу.

Пока я знакомился с надписями на плакате, уважаемые старушки любопытно поглядывали на меня и, видимо, ждали от меня подвига. Плакаты обещали выигрыши с шестизначными цифрами, что, конечно, не мешало бы. Соблазненный рекламой, я не обманул надежд женщин, протянув деньги продавщице билетов. Из пяти билетов, взятых мной, выиграли все. Сумма получилась небольшая, но, все же, выигрыш есть выигрыш. Надежда выиграть крупный приз значительно увеличилась.

Удивленные моей удачей и опешившие от такого везения, местные гражданочки раскрепостились и наперебой стали совать мне в руки теплые монетки, безо всякого сожаления расставаясь с деньгами. Они посчитали, что у меня легкая рука и хотели, чтобы я, этой самой рукой, купил счастье и для них. Я внес оживление вокруг лотка, тем самым вызвав молчаливую благодарность продавщицы, она улыбнулась мне.

Кто-то выигрывал, а кто-то и нет, но и они благодарили меня, заглядывая в мои глаза.

Я был без зонта, а мокрый снег все падал и падал на мои голые руки, которые все леденели и леденели, хоть и держали периодически теплые монетки, полученные из теплых рук. Мне и самому перестало везти, с каждой покупкой выигрышных билетов становилось все меньше и, когда я уходил от «Ракеты счастья», так звали этот лоток с плакатом, кто-то даже махнул мне рукой, пожелав найти счастье в другом месте.

Я уходил, проигравшись полностью, но стал, уверен в себе. Я смог найти общий язык с большим количеством женщин и, наверное, полажу как-нибудь с одной. Но как?

В течение четырех лет я изредка вспоминал об этой немецкой семье Остофф и представлял свою встречу с ними, готовил слова, которые хотел им сказать. Плохо то, что я представлял нашу встречу всегда по-разному. Теперь времени больше не осталось, скоро будет поезд, ничего не изменить. В общем, решил я ехать совершенно безоружным, таким, какой есть, надеясь на везение и удачу.

Поезд шел недолго. Удивительно, что чем ближе я подъезжал к этому незнакомому городку, тем сильнее волновался. Рядом со мной в вагоне находились обыкновенные гражданские люди со своими заботами, они ехали куда-то, были ужасно спокойны и уверены в своих действиях. Оказаться бы им на моем месте, а я своего места не находил, как бы они вели себя. В дурной вагон вдобавок я сел – «для некурящих пассажиров», не посмотрел, когда садился вот и выбегал постоянно в тамбур, чтобы выкурить очередную сигарету. Мою нервозность люди очень хорошо видели, я чувствовал это, но сдерживать себя и не волноваться не мог.

Кто бы заглянул в мою душу или в голову – сплошной сумбур! Уже больше четырех лет общаемся с немцами, нахожу с ними общий язык, говорю по-немецки плоховато, но мы понимаем друг друга. А сейчас, еду и не знаю, смогу ли я поговорить с этой женщиной. Она, оскорбленная и обиженная, совершенно уверена в том, что, забеременев, стала не нужна Владимиру. Это – мое предположение.

Когда я нервно докуривал в тамбуре очередную сигарету, туда же вышел покурить тещедушный пожилой немец. Он протянул мне сигарету и спросил, могу ли я говорить по-немецки. Я кивнул головой, оговорившись, что знаю немецкий не совсем хорошо. Доброжелательный старичок внимательно прислушался к моему произношению и с улыбкой сказал:

– Для нашего разговора этого достаточно, – заверил меня немец и прикурил ловко прихваченную сухими губами сигарету, затянулся и, разомлев, стал что-то говорить, глядя в окно.

Я, прислушавшись к его бреду, стал кое-что разбирать и понял, что он мирно беседует со мной. Он смотрел в окно и рассуждал о погоде, о красоте пробежавших за окном картин,

болтал просто так, ни о чем, изредка поворачивал голову лицом ко мне, как бы ища поддержку с моей стороны. Мне ничего не оставалось делать, как улыбаться ему и в знак согласия кивать головой. Более сговорчивого собеседника он, наверное, не встречал. Это ему нравилось, а я рад был ему угодить. В конце концов, докурив сигарету до самого фильтра, он аккуратно спрятал его в пепельницу на стенке и спросил:

– Сколько времени?

Из этой ситуации я вышел легко, подсунув ему прямо к глазам циферблат командирских часов.

– Хорошие часы! – похвалил он. Я снова согласно кивнул.

Немец, а следом и я, вошли в вагон, расселись по своим местам, и я стал разглядывать окружающих меня людей. От общения с добрым и влюбленным во всех и во все пожилым человеком, у меня изменилось настроение, пропал необъяснимый страх, исчезли сомнения, все стало простым и доступным.

Поезд точно в срок подошел к станции. На улице шел мокрый снег, он большим слоем покрывал перрон и сразу же большим слоем лег мне на плечи. Шинель стала мокнуть сверху от погон, но самое неприятное ощущение появилось, когда тающий снег стал стекать с фуражки за воротник.

Проходя мимо вокзала, я заглянул в окна Митропы, привокзального ресторанчика, там, в тепле и уюте за столами сидели люди. Захотелось тоже туда, но у меня была более важная задача. Для начала я должен был отыскать необходимый мне адрес.

У самого вокзала начиналась длинная кривая улица, сплошь состоящая из частных домов. Самого города видно не было и, по всей вероятности вот эта улица и была той самой Железнодорожной улицей, так необходимой мне. Чтобы убедиться в этом, я решил спросить у людей, копошащихся в автомобиле недалеко от меня.

На мой вопрос ответила женщина, мужчина в это время был занят какой-то неполадкой в машине.

– Нет ничего проще. Вот эта улица и есть улица Железнодорожная, – сказала она, указав мне на крайние дома. – Какой дом вам нужен?

Я назвал запомнившиеся мне на всю жизнь две цифры номера дома.

– О, это так далеко! Садитесь лучше к нам в машину, мы едем как раз в этом направлении.

Такое предложение оказалось мне как никогда кстати. Попав в тепло, я повеселел, и тут меня как прорвало. Я выложил про себя буквально все – кто я такой и зачем приехал сюда.

Немецкая женщина, выслушав меня, пришла в восторг. Едва ли когда-то в жизни ей приходилось принимать участие в качестве действующего лица в подобной мелодраме. Мужчина был не столь оптимистичен, большого восторга он не проявлял, а лишь периодически поглядывал на меня, не меняя своего мрачного выражения на лице. Меня это не очень беспокоило, важно было то, что я двигался в нужном направлении и в лице женщины, сидящей со мной в одной машине, приобрел, бесспорно, прекрасную союзницу.

Только не натворила бы она чего-нибудь лишнего, мелькнуло в моей голове. Слишком уж много энергии у нее. Мои опасения не оказались напрасными. Моя благодетельница, как только машина остановилась, быстро вынырнула из машины и потащила меня за рукав шинели.

– Ком, ком! – торопила она. Я безропотно, как теленок, последовал за ней к красному двухэтажному зданию.

Все происходило так быстро, что мое сознание, пожалуй, отставало от моих действий и, потому, я оказался перед открывающимися входными дверями совершенно не готовым к встрече, а, увидев женщину, в которой тотчас же признал Ренату Остофф, оробел и совсем потерял дар речи. Моя благодетельница что-то говорила ей быстро, захлебываясь, изредка показывая на меня рукой, а я безотрывно смотрел на Ренату, разглядывая ее, стоящую тихо,

со скрещенными и прижатыми к груди руками. Она слушала женщину, глядя мне прямо в глаза, и я видел, как подрагивали ее ресницы, и понял, что и она взволнована не меньше меня.

О чем говорила женщина, я не слушал, но некоторые обрывочные фразы остались в моей памяти до сих пор:

– Я привезла вашего дядю! Да, да! Он дядя вашего ребенка!

– У меня нет маленьких детей. У меня взрослая дочь, – шептала Рената плохо слушающимися губами. – Я ничего не знаю, я ничего не знаю.

Женщина из машины замолчала и вонзила в меня колючий взгляд своих пронизательных глаз, видимо, заподозрив страшную ложь в происходящем, но, увидев мои глаза, полные доброты и тепла, именно так я смотрел в голубые глаза Ренаты, она, до конца не понимая ситуации, в которую попала, решила немедленно исчезнуть. Она так и сделала.

Рената даже не заметила, как ушла женщина и продолжала смотреть на меня. Губы ее шевелились, но можно было только догадываться, что они шептали:

– Не знаю. Я ничего не знаю.

Она была застигнута врасплох. Врать мне она не хотела и не могла, а сказать правду не была готова. Видимо, я должен был уйти. Взглянув последний раз на нее, я хрипло сказал:

– Извините. Пожалуйста, – и, немного помедлив, добавил. – До свидания.

Поворачиваясь к двери, я вдруг уловил ее движение – руки опустились с груди, и сама она дернулась в мою сторону. Я приостановился и поднял глаза на ее лицо, но снова все вернулось на свое место: руки на груди, а губы снова что-то беззвучно шепчут. Но я видел этот ее порыв. Двоякие чувства боролись в ее душе, а что там творилось, известно только одной ей, Ренате, да господу богу.

Скрипнув, закрылась за мною дверь. Я шел, тяжело ступая деревянными ногами.

До последнего мгновения я надеялся, ждал, что Рената окликнет меня, но этого не произошло.

По мере того, как я удалялся от дома Остофф, я все сильнее ненавидел себя. Ведь, когда убежала женщина из машины, я мог заговорить с Ренатой, назвав ее по имени, мог сказать ей пару слов о Владимире. И, я считаю, что она обязательно поступила бы иначе. По сути дела, я не был даже признан. Так мне и надо!

– Ну, нет! – думал я. – Без результата домой не уеду!

Я шел прямо по проезжей части улицы. Прохожих не было видно вообще. Да и кто в такую погоду решится без острой необходимости выйти. Мокрый снег садился на плечи, сразу прилипал и медленно таял. Вода парила, казалось, что плечи дымились. С фуражки вода ручейками стекала за воротник шинели. На дороге лежало снежно-водяное месиво. Хромовые сапоги превратились в мягкие, но ужасно мокрые ичиги. Редкие машины объезжали меня, а водители, наверное, принимали идущего по проезжей части улицы русского офицера за пьяного или за идиота. Я шел в сторону, противоположную вокзалу. Ноги привели меня к гаштедту и я, не задумываясь, вошел вовнутрь. Дрожь пробирала все тело, ноги застыли, полы шинели мокры почти по пояс. Пройдя в зал, я сразу понял, что и тут мне не повезло. У меня на этот счет даже примета есть – если первое дело, за которое я взялся с утра, провалилось, а еще хуже, если провалилось с треском, можно в этот день больше не утруждать себя, все остальное тоже провалится с треском.

В гаштедте справляли свадьбу. Почти все, как у нас: столы сдвинуты, уйма народу и, как заведено, в белом и черном невеста с женихом. Играет простенький оркестр, но очень весело и заманчиво звучит музыка. Танцуют, а может быть, пляшут, все, и молодежь, и люди в возрасте. Старички в бриджах и гольфах по колено лихо прыгают вокруг своих подруг, одетых в длинные темные платья. У женщин ярко нарумянены щеки и подведены брови.

Немного расстроенный, я развернулся к дверям, соображая, смогу ли быстро найти еще какую-нибудь забегаловку. Конечно же, выходить из тепла, уюта и веселья в такую непогоду страшно не хотелось, но что поделать.

Не знаю, то ли на беду, то ли на счастье, послышались крики, явно адресованные мне. Ко мне подбежали два молодых паренька, которые попросили меня немного задержаться. В душе затеплилась надежда, а передо мной появилось светлое пятно. Плохо немцы не сделают, но, видимо, понадобился я им зачем-то, только зачем? Совсем неожиданно для меня, подошли жених и невеста с подносом, посреди которого стоял фужер, до краев наполненный водкой. Невеста, молодая женщина, наиграно изобразила улыбку на лице, но была красива. Мне сразу вспомнились слова какого-то умного человека: «Почему невеста выглядит всегда хорошо? Потому, что она потратила на это время». Мне показалось, что эта невеста потратила на себя целую уйму времени, так она была хороша. Жених оказался прагматиком, он сразу приступил к делу:

– Поздравьте нас, господин офицер и пожелайте нам что-нибудь хорошее.

Я понял его сразу и напрягся, вспоминая все, что мог вспомнить. Речь моя получилась долгой. Стоило мне закончить свои поздравления, последними словами которых стало пожелание новой семье иметь много детей, как весь «миллион» людей в зале взорвался криками и аплодисментами, невеста улыбалась, а жених, сияя, гордо крутил головой и делал движения, словно кланяясь беснующимся гостям. Мне он коротко сказал: – Данке! (Спасибо!)

В гаштедте я согрелся и получил то, что должно было привести меня в порядок. Озноб и нервное напряжение, как рукой сняло.

Вроде, как повезло с этой свадьбой – первое, что пришло в голову, когда я покинул гаштедт. Выпитая водка вскружила голову. Мой первый визит в дом Остофф стал казаться обыкновенным недоразумением. Конечно, так не должно было быть, просто вел я себя как-то не так. Все равно не уеду отсюда, пока не увижу Агнесс, решил я и ускорил шаг, не замечая ни мокрого снега, слепящего глаза, ни снежно-водяной каши под ногами.

У меня перед глазами постоянно стояла Рената со скрещенными на груди руками. Я видел ее порыв, когда она всем телом дернулась вслед за мной, уходящим из ее дома. Я понимаю ее, ведь я для нее был частичкой, весточкой Владимира. Не все же сломано, не все позабыто. Ведь они любили друг друга, и Владимир стал отцом их ребенка. Он и сейчас отец Агнесс и от этого никуда не деться.

И еще, там, в прихожей, Рената говорила, что у нее нет маленьких детей, а есть взрослая девочка. Да! Это все верно. Это я живу прошлым и думаю об этой семье до сих пор, как о женщине с маленьким ребенком. Я не учитываю прошедшие годы. Ведь и я уже не школьник, а Владимир тоже стал отцом и мужем женщины. Я представил себе Агнесс. Она – высокая, очень красивая девочка, блондинка. У нее обязательно должны быть голубые глаза. У ее отца и у матери они именно такие.

Рассуждать самому с собой легко и просто, можно все сказать и объяснить, но стоило только появиться в поле моего зрения красному двухэтажному дому, решительность моя мгновенно, словно ее и не бывало, исчезла. В эти мгновения я понял, что совсем не гожусь в дипломаты. Я никогда не смогу обидеть женщину – так и должно быть, но я так – же не смогу добиться от женщины, чтобы она выслушала меня, не говоря уж о какой-то беседе и взаимопонимании. Ведь я хочу совсем немного – узнать, как они живут, и рассказать кое-что о своем брате, который покинул их при странных и непонятных для них обстоятельствах.

Я могу и не услышать от нее ни одного слова, осуждающего Владимира, но я хочу, чтобы она даже в своих мыслях не считала его подлецом, бросившим ее, беременную, одну. Только одно это стоит того, чтобы я превозмог себя и сделал невероятно трудное для моего характера дело.

Боюсь, что Рената замужем, у них дружная и любящая семья, а я, подчиняясь эгоистической заботе о брате, своим бесшабашным визитом нарушу их добрую семейную идиллию, принесу вред этим людям. Порой мне казалось, что не стоит идти к ним, незачем это делать.

Тогда мне придется врать брату. Не знаю, бывает ли ложь благородной, но ложь с благими намерениями, я уверен, бывает. Другое тревожит, Владимир поймет, что я лгу.

Снова получилось так, что когда я подходил к дому Остофф, в голове моей был сплошной сумбур. Я пришел к выводу, что стоит мне в таком виде снова появиться в прихожей Ренаты, при условии, что меня еще туда пустят, все повторится, то есть все будет так, как час назад. Понимая это, я решил присесть куда-то, успокоиться и сосредоточиться. Я отыскал глазами зеленую скамейку под крышей и недалеко от дома.

Снега под крышей не было, но сырость и прохлада снова приступили к своим обязанностям, когда я стал малоподвижен. Уж что греха таить, так, сидя, я и задремал. Нервное напряжение, промозглая погода вымотали мой организм до изнеможения и я, не сопротивляясь, сдался навалившейся на меня дреме.

Я проснулся от прикосновения ко мне чьей-то руки, я услышал, как чей-то бархатный голос повторил несколько раз:

– Камрад! Камрад!

Некоторое время я не открывал глаз, боясь забыть что-то хорошее, оставшееся во сне, но мозг возвращал меня в реальность. Я резко открыл глаза и увидел перед собой двух женщин, вскочил, разглядывая обеих. Справа стояла Рената, не так высока ростом, средней полноты, одета в пальто черного цвета и такая же шапочка на ее голове. Слева от меня – высокое и нежное создание – девочка, жующая жвачку. Легкая улыбка блуждала по ее лицу, взгляд ее красивых глаз останавливался изредка на мне, но не задерживался надолго.

– Это – Агнесс, – сказала Рената, взмахом руки указав мне на девочку.

У меня в груди колотило так, что я не только чувствовал, но и слышал биение своего сердца. Я взял в свою руку холодную, как сосулька ее ручонку, прижал ее к своим губам и, не находя слов, лишь повторял:

– Агнесс! Агнесс! Дорогая Агнесс!

Рената, наверное, понимала мои чувства и не мешала. Она наблюдала за нашей встречей. Время летело, но я больше ничего не говорил, не мог. Рената подала мне белый конверт, сказав при этом:

– Это – письмо. Здесь две фотографии Агнесс. До сегодняшнего дня Агнесс не знала, кто ее отец, но мне сейчас пришлось это сделать. Я хотела сказать ей об этом гораздо раньше, но что-то мешало. Сегодня, в связи с вашим визитом, я решила покончить со всеми неясностями. Я еще не знаю, как это сообщение подействовало на Агнесс, но, думаю, что она все поймет правильно, она умная девочка.

Она замолчала, предоставив еще немного времени побыть мне рядом с Агнесс, но всему есть конец.

– Нам пора, нужно идти, – тихо и мягко сказала Рената.

Девочка потянула свою руку, и она выскользнула из моей ладони, как подтаявшая льдинка. Женщина взглянула в мои глаза, Агнесс, продолжая улыбаться, ручкой помахала мне, и они обе пошли по раскисшей дороге. Я одиноко стоял посреди улицы и тоскливо смотрел вслед удаляющейся парочке. Мокрый снег все летел и летел, цеплялся за ресницы, таял на щеках и стекал по подбородку, ветер леденил мокрое лицо, но я не чувствовал холода. Меня трясло оттого, что от меня уходили люди, с которыми я мечтал встретиться много лет. И вот, эта встреча закончилась.

Была ли она? Доказательством того, что она все-таки состоялась, был белый конверт в моих руках.

Немного не доходя до перекрестка, они остановились, обе помахали мне рукой, но Агнесс, взглянув на мать, та, видимо, что-то сказала ей, сначала пошла в мою сторону, затем, побежала. Боже! Она чуть не упала, поскользнувшись на этой раскисшей от тающего снега дороге.

Мне не верилось, что она торопилась ко мне, казалось, что она пробежит мимо меня.

Я стоял, опустив руки, пусть даже мимо меня пробежит, я успею еще раз увидеть ее с близкого расстояния. Но она не пробежала мимо, а остановилась прямо передо мной, мокрой ручкой провела по губам и, опершись о мою грудь, поцеловала меня в щеку и тихо сказала:

– Это – для моего папы.

Оттолкнувшись, она убежала, но на моей щеке огнем горел поцелуй холодных и мокрых детских губ.

Ну, вот и все. Все кончилось. Они исчезли за поворотом, а для меня, для нас, может быть, исчезли навсегда. Не хочется думать о том, что я их больше не увижу, верилось, что будут у нас еще встречи. Так – хотелось, но будет ли так. Одни мечты. Вся свою прожитую жизнь я был мечтателем. Что-то сбывалось, что-то так и оставалось только в мечтах.

Пусто было на улице возле домов и на дороге, пусто было и на душе. Оглянувшись на двухэтажный красный дом, словно стараясь запомнить его на всю жизнь, на пустой переулок, в котором растворились два моих милых ангела, я быстро пошел в сторону железнодорожного вокзала.

Мне повезло, уехал быстро, в поезде дремал, стараясь не думать ни о чем. Домой я вернулся засветло.

– Что скажешь Володе? – спросила Валя, когда выслушала все, что я рассказал ей о своем визите к Остофф, и было прочитано письмо, написанное рукой Ренаты. Кроме письма в конверте оказались две фотографии Агнесс.

– Расскажу все, что видел и слышал, как оно было.

– Да, конечно. Так будет правильно, – задумавшись, сказала жена.

Закончилась моя служба в Германии, мы отправили все имущество в контейнерах к новому месту службы и сами отправились в очередной отпуск. Ничего нового во время отпуска мы не изобрели, проводили его традиционно и, когда приехали к моему брату Владимиру, я по его глазам и поведению понял, что он очень ждет меня, и ждал, как и говорил, весь этот год.

Мы с ним разговаривали целую ночь. Он очень внимательно слушал меня, а я красочно, с лирическими отступлениями рассказал о своем визите в дом Остофф. Владимир долго читал письмо Ренаты, разглядывал каждую букровку, долго и внимательно смотрел на фотографии Агнесс. Мне трудно было представить, что творилось у него на душе, но я видел капельки слез на уголках его глаз.

На следующий день я не мог узнать Владимира. Мрачная маска исчезла с его лица, он стал разговорчив и довольно весел. Много времени он уделял нам и делал все для того, чтобы наше семейство, находясь у него в гостях, не испытывали никаких неудобств.

Ежедневно, увидев Владимира, я обращал внимание на его настроение и думал о том, что, если уж я, его брат, ежедневно вспоминаю нашу с ним беседу и мою встречу с Ренатой и с Агнесс, то, что уж говорить о Владимире. Он, по-моему, или мог так держать себя в руках, или сделал вывод, что ему больше не суждено свидеться с ними, и он смирился с этим. Спросить у него об этом я не решился.

Прошли годы. Военной карьеры у меня не получилось. Судьба свела меня с людьми пустыми и злобными, и глубокое разочарование в военной службе привело к тому, что я досрочно был уволен из Армии и после некоторых мытарств, остался для постоянного проживания в Сибири.

Первое время после увольнения некогда было думать о том, что было и прошло. Поначалу – забота о жилье, потом – подрастающие дети. С годами я стал замечать, что становлюсь все меньше и меньше востребован семьей. Заработанные мной деньги уже не делали погоды в семейном бюджете. Дочери получили образование и разлетелись, выйдя замуж. Мы с женой остались вдвоем.

С рождением внучат, помощь бабушки стала у молодых семей цениться на вес золота. А у меня появилась уйма свободного времени, которое я, бывало, просто убивал, ограничиваясь посещением пивнушки, где мог рассуждать о смысле жизни с людьми, не вызывающими большого доверия. Однако других не было, другие были заняты в эти трудные времена поисками возможностей попасть в струю, которая бы вынесла их на островок благополучия и сытой жизни.

Когда такой образ жизни становился поперек горла, я прекращал походы в пивнушку и, занимаясь домашними делами, с грустью вспоминал прожитые годы. Чаще всего мою душу сверлило осознание своей никчемности.

Однажды, при встрече с одним местным самобытным поэтом, я рассказал ему одну историю, произошедшую со мной во время службы в Германии. Тот пустил слезу, вручил мне сборник своих стихов с дарственной надписью и посоветовал мне:

– Мил человек! Не попробовывать ли тебе изложить все это на бумаге. Глядишь, и польза будет, да и оставишь после себя что-то вечное, пусть даже небольшое. Судя по этому этюду, неплохо у тебя получается. Совсем неплохо.

Недолго думая, я решительно взялся за ручку и бумагу. Днем – работа на предприятии, вечером, если есть такая возможность – работа головой. Я взял за правило, ежедневно писать хотя бы по страничке рукописи. Не всегда это получается, поэтому-то вот уже в течение длительного времени не прекращаю эту работу.

Раньше, в делах и заботах, изредка вспоминалось об Агнесс и ее матери. Вспомнишь о них, бывало, и заболит сразу душа. Сам не свой мечешься по квартире, стараясь отвлечься и выкинуть из головы воспоминания. Все равно ничего уже не изменить. Прошрое удаляется все дальше и дальше. Ослабевают чувства и медленно, но уверенно стирается в памяти та единственная встреча с Агнесс, моей племянницей, которую воочию видел только один я из всего нашего большого семейства. Владимир, при наших встречах, больше ни разу не заговорил со мной о своей дочери. Кстати, имею ли я право называть Агнесс его дочерью? Имеет ли он право так считать? Возможно, задумываясь над этим, он не находит ответа, потому и молчит. И все-таки я считаю и надеюсь, что Агнесс сама может решить и решит эту проблему. Что еще можно сказать? Пожалуй – все.

10.05.2013

Барбара

В самом начале лета, мы с женой стали замечать, как крепнет наша младшенькая дочь и, вот, однажды решили, что Вале с двумя дочерьми следует поехать в Сибирь, к ее матери на все лето. Там лучше климат. Недаром на церемониях юбилярам почти всегда желают сибирского здоровья. Солнечных дней в Сибири не меньше, чем в Крыму, излюбленном месте отдыха жителей Союза. Мы получили визу на въезд моих женщин на территорию Союза, и я остался служить один до самой осени.

Трудно привыкнуть к одиночеству. Я за это время прочувствовал все «прелести» холостяцкой жизни и перестал завидовать молодым офицерам, живущим в гостинице,

Редко задерживаясь на службе, я продолжал вовремя приходить домой, наспех готовил себе ужин, если было из чего готовить, ну, а если не было, обходился сладким чаем с бутербродом из черствого хлеба, остальное время убивал, бесцельно бродя по комнатам или перелистывая страницы первых попавшихся в мои руки книг. Перед сном я вновь читал что-нибудь и засыпал с книгой или журналом в руках. Если бы меня спросили на следующий день, о чем я читал с вечера, сомневаюсь, что смог бы что-то вспомнить. Спал тревожно и чутко реагировал на каждый плач ребенка, доносившийся через открытые окна.

Однажды ночью из другой комнаты послышался детский плач. Реакции жены не последовало. Мой дремлющий мозг соображал: «Наверно крепко спит. Умаялась с двумя за день». Ребенок не успокаивался. «Придется подняться самому». Однако плач внезапно стихает. «Слава богу, спит дочка». Спится очень плохо, просто дрема и все; зануло сердце, с чего бы? Снова плач. С закрытыми глазами поднимаюсь с постели, все в квартире измерено шагами: три шага до двери, еще пять до детской кроватки, где спит младшенькая, вот и она.

Дурак! Купил кроватку, которую даже невозможно покачать, Погнался за красотой. Это мое первое приобретение здесь, в Германии. Как получил первую получку, сразу за кроваткой для дочери.

Ловлю руками продольную часть решетки и начинаю плавно поднимать и опускать бок кроватки. «Почему так легко?». Сознание возвращает меня в сегодняшний день, вернее, в ночь. Я бегу в спальню и бросаюсь на кровать, не опасаясь разбудить жену. В квартире я один! Один, почти месяц. Но я ведь сам, по первому решению жены поехать в Сибирь, поддержал это решение, ведь против моего благополучия ставилось здоровье нашей дочки.

Плач мне не приснился, и не было никакой мистики, через открытые окна он донесся из другой квартиры. Плакал соседский ребенок, – почти в каждой семье есть дети.

Продремав до утра и легко перекусив, я спешил на работу, а вернее – убегал от одиночества и тоски. В людском окружении, в общении с людьми день проходит незаметно. Но снова приходит вечер. Выйдя из КПП части, сворачиваю в сторону своего подъезда, возле которого на лавочке уже никто не сидит, и по газонам уже не бегают дети.

Поздно. Но спать не хочется, да и что меня ждет дома? Пустая квартира да пыль, пыль везде – на мебели, на полу, на подоконниках.

Порой я часами лежал в постели, не засыпая. Прибавляя шесть часов разницы по времени, я представлял, что происходит в этот момент там в Сибири. А утром, спеша в полк, к своим солдатам на подъем, рылся в шкафу в поисках чистой рубашки; если в руки случайно попадали детская распашонка или платице, я прижимал их к своему лицу, вдыхая тот пропадающий уже детский молочно – кисловатый запах, который сводит с ума даже взрослых мужчин.

Как-то, возвращаясь вечером домой, я представил себе, как пролежу несколько часов в тоске и воспоминаниях, прежде чем усну и, чтобы избежать этого, я направился совсем в другую от дома сторону, в центр города. Я знал, что в это время в городе пусто, но мне нравится

бродить даже по пустым улицам этого старинного немецкого городка. С удовольствием вышел на главную площадь, мысленно поздоровался со старым каменным Роландом и направился к главной торговой улочке, сплошь состоящей из домов, первые этажи которых были набиты разнообразными магазинами и магазинчиками. Обойдя большое здание кирхи и, рассмотрев ее со всех сторон, я оказался около запотевших и от этого, чуть светящихся, окон гастштедта «Ratchaus».

За толстыми стеклами в синем табачном дыму я едва различил множество сидящих за столами людей. Одни пили пиво, переговаривались и жестикулировали руками, другие тоже что-то пили, но делали все это, молча. Они отдыхали. Некоторые играли в карты, другие что-то читали или разгадывали кроссворды, заполняя карандашом пустые клетки в тонких журналах.

Глядя на них, мне страшно захотелось туда, к ним, для того, чтобы сбежать от тоски, от одиночества. На всякий случай, я нащупал в кармане деньги и, решившись, твердо шагнул в приоткрытую дверь гастштедта. Проходя по залу, я заметил, что привлек к себе внимание сидящих за столиками немцев. Послышались доброжелательные возгласы:

- Что, господин офицер, пришел пива немецкого попить!
- Товарищ, поздно подошел, мест нет и, не будет до полуночи.

Об этом я, кажется, уже догадался сам. Тем не менее, «несолоно хлебавши», как у нас говорят, уходить из гастштедта не хотелось и я, пройдя через весь зал, нырнул в боковую дверь, из которой только что вышла молоденькая официантка с пивом и оказался в баре. Там командовала высокая, сухая, со сморщенным лицом и, не очень приятная на вид, женщина. Гастштедт был частным и, она, вероятно, была хозяйкой этого заведения, иначе, какой бы чудак взял в свое людное место такую страшенькую обслугу.

Мне очень не хотелось уходить из гастштедта, поэтому, улыбаясь, как можно обаятельнее этой даме, я пытался вызвать у нее сочувствие ко мне, сообщив о своем одиночестве и тоске. Она предложила мне сесть за служебный столик, находящийся в углублении. С двух сторон стола висели темные портьеры, на столе стояла пепельница, набитая фильтрами от сигарет – «немецкими окурками», и бокал с темным напитком, вероятно с «Колой».

Хозяйка поставила мне пиво, а я заказал еще сто граммов водки, немецкой «Луникopf». Это мое желание она тоже исполнила.

Через какое-то время дверь в зал открылась, скрипа не было, но тишина была прервана монотонным гулом зала. Я сидел глубоко в нише, мимо меня пропорхнула легкая фигурка официантки, обдав тонким ароматом духов. Я понял, что она не заметила меня, когда стала поправлять что-то в одежде, приподняв и без того очень коротенькую юбочку.

Женщина по ту сторону стойки, улыбаясь, смотрела на нее и молча, не проронив не слова, не кашлянув, ждала, когда вошедшая девушка посмотрит на нее и, только после этого, стала показывать на меня глазами. Сообразив, девушка быстро обернулась и, увидев меня, покраснела, поправила одежду и извинилась, пробурчав, однако, что-то в мой адрес. Тут же она присела на стул с другой от меня стороны стола, прикурила, щелкнув зажигалкой и, бросив ее на стол, взяла бокал. Она курила, стараясь не смотреть в мою сторону, а я нагло разглядывал ее профиль. Девушка чувствовала мой взгляд, но не подавала вида и терпеливо переносила мою бестактность. Но, может быть, ей было приятно, что с нее не сводят глаз. Конечно, я очень хотел бы с ней поболтать, познакомиться, но не решался заговорить, смущенный ее красотой и молодостью.

Чтобы выйти из создавшейся ситуации, а не просто сидеть истуканом, я ничего лучшего не придумал, как заказать у сухопарой женщины еще сто граммов водки. Девушка напротив, увидев мою дозу, с любопытством, но без ехидства, спросила меня:

- Много не будет?

– Да не должно быть, много, – ответил я и демонстративно, приняв ее вопрос за подковерку, поднял бокал и залпом выпил. Официантка хлопнула в ладоши и снова приняла незаисимый вид, продолжая курить.

Разгоряченный водкой, я потерял рассудок, развязно повел себя, встал и подошел к бару. Женщина удивленно спросила:

– Noch mal? – что по-русски значило – «Еще раз?» или «Повторить?». Я отрицательно покачал головой и, как мог, долго объяснял, что хотел бы выпить, но только вместе с прекрасными женщинами. Девушка за столом даже прекратила курить, внимательно прислушиваясь к тому, что говорил я. Поняв смысл сказанного, она моментально среагировала, заявив:

– Я согласна выпить, но только шампанское.

При этом она состроила такую капризную гримасу, что я сразу же пообещал ей:

– Да! Я беру самое хорошее шампанское.

Старая хозяйка вела себя совершенно по-другому. Услышав мои слова о прекрасных женщинах, она, вроде как смутилась, сморщила и без того морщинистое лицо и махнула рукой, точно говоря, видимо, имея в виду только себя:

– Да уж где ты таких красавиц увидел? Не нужно льстить.

Затем она объяснила мне, что гаштет работает до полуночи, а еще через полчаса она обязана позвонить в полицию, сообщить о закрытии гаштета и сдать под охрану. Так что, в нашем распоряжении могло быть всего полчаса.

– Хорошо, – коротко ответил я и сразу же расплатился за бутылку настоящего французского шампанского вина.

Девочка вышла в зал, вернулась с заказами и вновь ушла, унося на подносе бокалы с пивом и «Колой». Когда она вернулась и присела, на столе уже стояло шампанское. Она взяла бутылку в руки, с детским восторгом долго разглядывала этикетку и сказала нараспев, совсем не по-немецки:

– О-о-о! Шампанское. Как я его люблю! Хельга! Сколько стоит это чудо?

– Барбара. Тебе, моя девочка, целый день работать нужно за эту бутылку.

– О-о-о! Вы так добры, – услышав ответ, сказала официантка, повернув ко мне свое прелестное личико.

Затем, девушка, чиркнув зажигалкой, вновь стала курить, а я смотрел на нее, не сводя глаз с ее чудесного профиля. На ее лице я не нашел ни дефектов, ни изъянов. Красивый носик слегка вздернут, длинные ресницы на веках выразительных глаз серо-голубого цвета, аккуратные губки и подбородок, светло-русые локоны на голове. Одним словом – красавица! Нет. Пусть лучше будет так – хорошенькая молодая женщина. Она курила, не поворачивая лица в мою сторону, но я видел, что она о чем-то рассуждала, поскольку выражение ее лица менялось.

Я пришел к выводу, что она, эта красивая официантка считает, да и правильно считает, что этот мой неотрывный взгляд и это шампанское только лишь для того, чтобы добиться ее. Рассуждая по-русски, всем мужикам от красивых женщин нужно только одно... Для этого они не жалеют ни времени, ни денег, ни сил. В то же время, мрачного настроения на ее личике не появлялось. Была только задумчивость. Так мало ли о чем может задуматься человек?

Интересно, есть у нее муж или нет, впрочем, зачем мне все это? Наверное, тоска и временное одиночество так подействовали на меня. Увидел красивую женщину и, растаял, как шоколад в ладони. Будь, что будет. Я, пожалуй, отдам себя во власть судьбы и в руки этой красавицы. Я буду рядом с ней сегодня ровно столько, сколько позволит или захочет она.

Наконец-то, гаштет закрылся, за последними посетителями захлопнулись двери. Хозяйка вышла в зал, подозвала к себе официантку и посоветовала ей не убирать в помещении сегодня, поскольку нельзя терять ни минуты. Нас ждет шампанское! Слава богу, уборка отложена на завтрашнее утро!

Я попросил женщин сесть возле нашего «банкетного стола» в нише. Хоть, на этом столе, кроме бутылки шампанского и трех бокалов больше ничего не было, все равно, он был для нас «банкетным». Шумно потерев ладонями, я ухватился за горлышко бутылки и под взглядами женщин, стал скручивать пробку. Видя мою неловкость, Барбара стала помогать мне, отчего руки наши сплелись, она смеялась, а я смотрел ей в лицо, и меня потряхивало от такой близости. Пробка вылетела с треском, ударила в потолок и упала на стол. Хозяйка взвизгнула и закрылась руками, ожидая потока пены, но я быстро разлил бурлящий и шипящий напиток в фужеры, подставленные ближе ко мне легкой рукой молодой женщины.

Мы пили шампанское, смеялись и, мне казалось, что всем нам было очень хорошо. Мы разговаривали, с трудом понимая друг друга, Барбара примеряла мою фуражку, очень большую для нее. Она затягивала ремешок фуражки на своем подбородке и, белой ручкой с голубыми жилками, отдавала честь, поднося ее к козырьку. Она смеялась все время, смеялась звонко, как девчонка, а пожилая хозяйка лишь улыбалась, глядя на нее.

Время безудержно летело. Ровно через тридцать минут хозяйка встала и сказала:

– Достаточно! Пора закрывать. Все по домам.

Возражать я не мог, да и не имел права.

Уходя, они попрощались со мной. Я расхрабрился и пытался обнять Барбару. Она, хохоча, вырвалась из моих рук, крепко ухватила за хозяйку и две пары каблучков дружно зацокали, удаляясь от меня.

Я опять остался один, стало грустно, словно я опять что-то потерял.

Домой я шел медленно, постепенно забывая обо всем происшедшем, голову одолевали завтрашние заботы. Лег спать глубоко за полночь, а поутру, хорошо выспавшись, совсем забыл об этих двух удивительных женщинах.

20.02.14

Варькина подружка

Выходной день для офицера – понятие риторическое, особенно, если живет этот военный рядом с местом, где он служит. Бывает, конечно, изредка, что проведешь дома в кругу семьи целый день, а дети, наскучавшись по отцу, так прилипли к тебе, что целый день находишься только рядом с ними, стараясь выполнить любое желание крохотных дочек.

В будни как бывает? Ни свет, ни заря бежит офицер в казарму, когда детишки еще спят, а по вечерам возвращается он, бедный, в полночь-за полночь, а детишки-то уже спят. О каком участии отца в воспитании своих детей в таких условиях может идти речь? Единственное, что только материально он семью может обеспечить, жены офицеров за границей обычно не работают, нет для них работы. Да еще детям своим подаришь что-то наподобие клички – «офицерская дочка» или «офицерский сынок», что, в принципе, означает – избалованный, привередливый ребенок, строящий из себя черт те что. А я хочу сказать, что даже при таком однобоком воспитании из офицерских детей, в конечном счете, получаются неплохие люди. Думаю, что весь секрет тут в хорошей подготовке матерей к воспитанию детей. Ведь почти каждая из женщин в военных городках имеет высшее образование, а это педагогическое, юридическое, медицинское и другие. Тем более что эти женщины, сами по себе, люди самоотверженные, стойкие, а не хлипкие, поскольку разделили участь мужей, вечных скитальцев

Утро в тот выходной началось, как обычно, поспать, как можно дольше, чтобы отоспаться до следующего выходного, не получилось. Дети проснулись раньше меня и шумным гомоном наполнили нашу небольшую двухкомнатную квартиру.

Младшая дочь, совсем еще маленькая, лежала в кроватке, но она часто выражала свое несогласие с чем-то своими криками. Старшенькая дочка, соскучившись по отцу, влезла на кровать, села верхом на меня и принялась открывать своими пальчиками мои, еще спящие глаза, зажимать нос. Ну, какой тут сон может быть?

Окончательно проснувшись, я занялся воспитанием своей старшей дочери – Варвары, младшая в нем еще не нуждалась. Я почитал ей хорошую книгу, побыл некоторое время логопедом, поучил выговаривать некоторые труднопроизносимые слова, но ребенку все это очень быстро надоело. Она упорхнула от меня и, вскоре, после небольшого завтрака, одевшись для прогулок, она выскользнула за дверь, сопровождаемая потоком маминых наставлений, а ей и дела мало, на улице уже слышны крики ее друзей, таких же, как и она, девчонок и мальчишек.

Незаметно проходит время в выходной день. Помог жене убраться в квартире, да сходил в магазин за продуктами для обеда. Только вернулся, жена интересуется:

– Варьку не видел на улице, давненько что-то не слышно ее.

– Когда туда шел, видел ее на карусели. Они с девчонкой какой-то в красном платьице там были. А обратно шел, недалеко тут, в догонялки с этой же девочкой играли.

Жена на время успокаивается, занимаясь младшей дочерью, гладит пеленки, распашонки, пока та спит.

С обедом помогал я. Опять же, пока отбивные готовил, да по мясу молотком колотил, разбудил ребенка. Пришлось нянчиться. Ничего не поделаешь. Удивительно даже, как только со всем этим справляется Валя, моя жена, когда меня нет дома. Ведь всегда к моему приходу и обеды, и ужины готовы, в квартире чисто и убрано, дети одеты опрятно. Да! На такое способны только женщины, да и то не все.

Из кухни стали доноситься ароматы, чувствуется, что скоро обед. Последний раз стукнула ложка о стол, все готово. Открыв окно, Валя кричит:

– Варя, домой! Обедать!

Точно так же, в далеком беззаботном детстве, и моя мать, кричала меня, приглашая или на обед, или просто загоняя домой, чтобы усадить за уроки, когда я уже учился. Моим детям

это только предстоит, но все повторяется, все так же: и материнская любовь, и забота, и хлопоты целый день и даже этот родной протяжный крик в открытое окно. Варвары все нет. Валя выглядывает в окно и не кричит, как в первый раз, а спокойно говорит:

– Варя, ты что, меня не слышишь?

Значит, дочь где-то рядом с домом, просто ее что-то задерживает или кто-то.

Вскоре дверь с шумом раскрывается и в квартиру вваливается Варя, таща за собой за руку такую же, как она, чумазую девчужку в красном платице. Обе русые, обе голубоглазые, они даже чем-то похожи друг на друга.

– Это – Ася! – кричит дочь, оправдываясь, а заодно и, знакомя нас с девочкой. – Она будет со мной кушать.

– Ну-ка, марш в ванну, мыться! Обе, обе! – говорит Валя, выталкивая девчат из кухни и направляя их к умывальнику. Девочки по очереди залазят на маленький стульчик, чтобы достать до текущей из крана воды, грязь течет и капает с маленьких ручонков, грязь же размазывается и по их счастливым, но грязным мордашкам. Моя жена своей рукой смывает грязные подтеки с девчоночьих лиц и обтирает их мягким махровым полотенцем. Обе девочки садятся за маленький столик, журнальный столик, накрытый для двоих, и начинают уплетать за обе щеки, поглядывая друг на друга.

– У нас гости, – говорит мне Валя. – Так, что придется повременить немного с обедом. Кстати, не знаешь, чья это девочка? Я, вроде, видела ее на этой же карусели. Вроде, на Младову похожа, наверно, это и есть дочь начфина полка.

– Она плохо умеет говорить, – поясняет нам дочь. – Она говорит, а ничего не поймешь. Только Ася, Ася и все. Только она все понимает. Я ей говорю: «Пойдем кушать», а она головой вот так машет. Варвара начинает изображать девочку, которая согласилась с ней пообедать, согласно кивая головой.

Наевшись, дети моментально исчезают за дверьми и, скоро их крики и громкие возгласы слышны откуда-то от карусели, любимого занятия ребятишек.

Пообедав, я заваливаюсь на кровать, захватив с собой охапку газет и журналов. Младшая дочь спит, напившись материнского молочка, и этим, просто, нужно воспользоваться. Валя тоже использует эти минуты. Она спешит во двор на лавочку, чтобы пообщаться со своими знакомыми и подругами, такими же, как и она, женами офицеров, обремененными теми же самыми заботами. Все идет своим чередом. Мне даже удается слегка вздремнуть, прикрыв лицо газетой.

Меня будит резкий детский плач. Это проснулась младшенькая дочь. Она в недоумении, куда же все подевались? Она тут же закатывает скандал, кричит громко, долго и надсадно, но без слез. Мне не хочется звать Валю, хочу дать ей отдохнуть, но у меня ничего не получается, дочь продолжает требовать маму. Я всячески ублажаю ее, но крики становятся громче и, наконец, их слышит сидящая на лавочке возле подъезда, Валя.

Ребенок моментально успокаивается. А все дело-то, оказывается, в мокрых пеленках. Я понимаю ребенка, ну, кому же охота лежать мокрому.

– Что, не мог пеленку сменить, – корит меня жена.

– Да откуда мне знать, что там сыро. Она же не говорит об этом, – пытаюсь оправдаться я.

– Чаще нужно с детьми быть, а то знаешь только одних солдат. Занимался бы детьми, даже по интонации плача сообразил бы, что произошло.

На такие убедительные доводы у меня, конечно, возражений не находится. Что мало, то мало мы с детьми бываем, хорошо, что еще узнают нас как-то дети.

– А ты знаешь, Варя-то наша так с этой девочкой в красном и носится. Подружились, не разлей вода. Только я кого не спрашивала, не знают, чья она. Да и имени такого никто не слышал. Вроде кто и начнет вспоминать, да к выводу приходит, что у Тургенева в повести

есть такое имя. А Варя кликнет ее: «Ася! Иди сюда!», та и бежит к ней. Значит, так и зовут девочку – Ася.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.